

стичь. По его мнению, эта вера не может быть включена в объект познания и подвержена эмпирической проверке. Наконец, русский философ–мистик С.Н. Булгаков писал, что религиозная вера противоречит разуму; она не считается с логикой и, напротив, все то, что относится к знанию, не нуждается в вере. «То, во что можно верить, – отмечал этот мыслитель, – нельзя знать, оно выходит за пределы знания, а в то, что можно знать, нельзя и не должно верить. Кто верит в таблицу умножения или Пифагорову теорему? Ее знают».

Таким образом, в процессе преподавания мы не можем руководствоваться максимой Августина Аврелия и Ансельма Кентерберийского: «Верую, чтобы понимать». Вместе с тем некоторые учителя средних школ и преподаватели вузов ныне открыто демонстрируют свою религиозность. Причем речь идет не только о тех из них, которые преподают, на первый взгляд, нейтральные в мировоззренческом отношении учебные предметы, но и философию, социологию религии, научное религиоведение. В этой связи возникает важная нравственная проблема. Если такой человек в учебной аудитории придерживается научного мировоззрения, а за ее пределами демонстрирует свою приверженность тому или иному вероучению, то на самом деле он является лицемером. Если же он не только вне учебного заведения, но и в процессе преподавания придерживается религиозной концепции (например, креационизма), то ему не должно быть места в учебной аудитории. Высоконравственный преподаватель в своей повседневной жизни и трудовой деятельности должен исходить из принципа несовместимости науки и религии. Он по своему усмотрению не должен трактовать статью 33 Конституции Республики Беларусь, согласно которой «каждому гарантируется свобода мнений, убеждений и их свободное выражение». Мировоззрение является доминирующим фактором всей системы образования и воспитания. Эту непреложную истину должен усвоить каждый педагог и руководствоваться ею в своей практической деятельности.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ АНАЛИЗА РЕЛИГИИ В ПСИХОАНАЛИЗЕ

Варич В.М., к.ф.н., доцент, БрГТУ

В широко известной научно–публицистической работе «Недовольство культурой» З. Фрейд дает определение культуры, под которой понимает «всю сумму достижений и институций, отличающих нашу жизнь от жизни предков из животного мира и служащих двум целям: защите человека от природы и урегулированию отношений между людьми» [1, 288]. К наиболее важным характеристикам культуры он относит все формы деятельности и ценности, которые приносят человеку пользу и защищают его от сил природы; красоту, чистоплотность и порядок, которые не приносят непосредственной пользы, но являются неотъемлемыми свойствами человеческой жизни; уважение к высшим формам психической деятельности (интеллектуальным, научным и художественным) и заботу о них; способы, которыми регулируются отношения между людьми, т. е. «социальные отношения, касающиеся че-

ловека как соседа, как вспомогательной рабочей силы, как чьего-либо сексуального объекта, как члена семьи или государства» [1, 288].

Последнее свойство Фрейд считает тем более важным, что «фактор культуры появляется с первой же попытки установить эти социальные взаимоотношения» [1, 288], однако появление в человеческом сообществе первого же большинства приводит к противопоставлению «права» коллектива «грубой силе» отдельного человека. Следствием замены единоличной воли силой коллектива Фрейд считает требование справедливости как одинакового применения права ко всем членам сообщества. Дальнейшее развитие культуры, с его точки зрения, направляется на то, чтобы право не было волеизъявлением небольшого коллектива. Конечным результатом ее совершенствования должно было бы явиться право, в создании которого участвовали бы все способные к общественному объединению люди, пожертвовавшие своими инстинктами деструктивности и агрессии: «Значительная часть борьбы человечества концентрируется вокруг одной задачи – найти целесообразное, то есть счастливое, равновесие между индивидуальными требованиями и культурными требованиями масс; одна из роковых проблем человечества заключается в том, достижимо ли это равновесие при помощи определенной организации человечества или этот конфликт останется непримиримым» [1, 289].

Культура как следствие и источник социально обусловленного вытеснения и ограничения первичных влечений, с точки зрения Фрейда, в принципе не способна сделать людей счастливыми. Проблема стать счастливым, к решению которой побуждает человека один из важнейших регулятивных механизмов психики – принцип наслаждения, – всегда остается проблемой, хотя человек и обречен все время на попытки ее разрешения. В этих попытках он может избрать различные пути – как негативные (избегание страданий), так и позитивные (стремление к удовольствиям), – может использовать разнообразные средства (от творческой деятельности до алкоголя и наркотиков), но окончательного решения эта проблема не имеет. Источник страданий также может обнаруживаться индивидом в различных сферах: одни полагают, что этим источником является человеческое тело, другие – всемогущая природа, третьи – недостатки учреждений, регулирующих отношения в семье, обществе и государстве. Четвертые же (и в их числе сам Фрейд) исходят из того, что «большую часть вины за наши несчастья несет так называемая культура; мы были бы несравненно счастливее, если от нее отказались и вернулись к первобытности» [1, 86].

Отвечая на вопрос, почему современная ему культура вызывает недовольство, Фрейд указывает четыре причины:

- 1) недовольство культурой насаждается религией;
- 2) оно вызывается разочарованием в успехах научно-технического прогресса, не сделавшего, против ожиданий, человечество счастливым;
- 3) источником недовольствия является подавление культурой сексуальности;
- 4) недовольство культурой вызывается также и тем, что она ограничивает агрессивность и деструктивность.

Если первые две причины Фрейд выводит из общественных реалий XX века, то две вторые представляют собой результаты его теоретических

обобщений, сделанных на основе длительного изучения различных психических состояний многочисленных пациентов.

По мысли Фрейда, важнейшая миссия культуры, состоящая в объединении людей в коллективы для совместного труда и взаимного интереса, отнюдь не предполагает подавления сексуальности, агрессивности и деструктивности. И если культура все же подавляет эти влечения, то для этого есть основательная причина: человек вовсе не является мягким и миролюбивым существом, способным лишь на защиту от нападения. Интересы трудового сообщества не смогли бы сохранить культурное поле, поскольку страсть всегда сильнее разумного интереса, в том числе и прагматического. Поэтому культура сдерживает агрессивность с помощью соответствующих психических реакций самих потенциальных «агрессоров»: «Для этого на службу призываются методы идентификации и затормаживания по цели любовных отношений, отсюда ограничения сексуальной жизни и идеальная заповедь любви к ближнему, как к самому себе...» [1, 107]. С сожалением приходится согласиться с Фрейдом в том, что всеми стараниями культуры в этом направлении достигнуто сравнительно немного, хотя средств было перепробовано немало.

Одно из таких средств Фрейд называет «малым культурным кругом», который дает выход агрессивности вовне, направляя ее на стоящих за пределами круга: «Всегда можно соединить связями огромное множество; единственное, что требуется, – это наличие того, кто станет объектом агрессии» [1, 109]. В цитируемой работе Фрейд приводит два примера такого рода объединений – христианскую общину и коммунистическую культуру большевистской России. Его оценки этих объединений настолько любопытны, что есть смысл воспроизвести их полностью: «После того, как апостол Павел положил в основание христианской общины всеобщее человеколюбие, неизбежным следствием была крайняя нетерпимость христиан ко всем остальным. Римлянам, которые не делали любовь фундаментом своего общественного устройства, была чужда религиозная нетерпимость... вполне понятно, почему попытка соорудить новую коммунистическую культуру в России находит свое психологическое подкрепление в преследовании буржуазии» [1, 109].

При всей спорности сближения в ходе анализа столь разноплановых социальных движений весьма злободневно звучит вывод Фрейда о том, что объединение людей с общей целью (под политическим, религиозным, национальным или каким-либо иным флагом) всегда есть их объединение против кого-то или чего-то, как бы эти «кто-то» не назывались: отродьями Сатаны или прислужниками империализма. В каждом случае наличие врага (или искусно формируемого его образа) – необходимое условие самого существования малого культурного круга, его самодостаточности и самоудовлетворенности, группового нарциссизма.

В серьезной философской литературе не принято всерьез воспринимать социологические обобщения Фрейда, а между тем в них есть немало интересного с точки зрения неискушенного читателя – к примеру, попытка классифицировать «массы» и дать сравнительную оценку некоторым из

них. Обнаруживая несколько оснований для классификации, Фрейд выделяет такие типы масс: временные – постоянные; гомогенные – негомогенные; примитивные – высокоорганизованные; массы без вождей – массы, имеющие вождей; естественные – искусственные. А в процессе сопоставления двух искусственных (по определению Фрейда) масс – церкви и войска – он перечисляет существенные для обеих характеристики:

1) искусственные массы ограничивают доступ и выход из них, а также требуют внешнего насилия или экспансии для самосохранения;

2) вождь массы одинаково любит всех входящих в нее индивидов;

3) вождь оценивается как отец (земной или небесный) всех членов массы, в силу чего они ощущают себя братьями;

4) взаимная привязанность членов массы есть необходимое условие ее существования, поскольку без нее масса распадается.

Эти принципиальные черты облика искусственной массы делают, по мнению Фрейда, несущественными исторические, идеологические и прочие различия между ними: «Если место религиозной массы займет другая масса (в настоящее время это как будто удается социалистической массе), то результатом будет та же самая нетерпимость к вне стоящим, как и во времена религиозных сражений, и если бы различие научных взглядов имело большое значение для массы, то тот же самый результат повторился бы и в этой области» [2, 41].

Исторический опыт XX века свидетельствует о том, что выводы Фрейда во многом оправданны и, будучи сделаны еще до распространения тоталитарных режимов, отличаются большой проницательностью. Единственное, что не может вызвать безоговорочного согласия, – это те основания, которые легли в фундамент фрейдовской социокультурной картины мира. По его мнению, импульсом, постоянно подпитывающим стремление людей объединяться в массы, является их «стадный инстинкт», а определяющая роль в психической и социальной жизни принадлежит первичным бессознательным влечениям, хотя обнаружена их первичность может быть только средствами психоанализа. Поэтому можно, наверное, согласиться с Юнгом, находившим в трудах Фрейда самый примитивный материализм с его приземленным кредо «человек есть то, что он ест». В самом деле, если человеческое поведение есть лишь проявление контролируемых сознанием или вырвавшихся из-под его контроля бессознательных влечений, и не более, то как иначе, кроме как натуралистическим редукционизмом, можно назвать такой взгляд на человека?

Особенно ярко эта мировоззренческая установка Фрейда просматривается в его характеристиках религии и художественного творчества. К примеру, в работе «Недовольство культурой» он утверждает, что ему кажется неопровержимым выведение религиозных нужд из детской беспомощности» [1, 73], а в работе «Человек Моисей и монотеистическая религия» заявляет, что религиозные феномены следует понимать только по образцу известных нам невротических симптомов индивида, как возврат давно забытых, важных процессов в предыстории человеческой семьи» [3, 68]. Квинтэссенцией таких суждений о религии можно по праву считать одну из

центральных идей работы Фрейда «Будущее одной иллюзии», согласно которой религия есть не что иное, как форма коллективного невроза. Самые разнообразные социальные и культурные явления рассматриваются австрийским ученым в первую очередь как предмет психоанализа, и в таком качестве нуждаются в постановке диагноза с последующим излечением невротического больного. Расширение методов психоанализа на всю сферу социальной жизни, проделанное Фрейдом, вполне объяснимо, поскольку всякая человеческая деятельность есть деятельность психологическая и в качестве таковой может и должна быть подвергнута психологическому рассмотрению. С другой стороны, в каждой из этих областей наряду с моментами, объединяющими их с точки зрения психологических составляющих, есть и собственное существо, которое может быть только предметом специального изучения. Поэтому психоанализу в изучении культуры может принадлежать лишь инструментальная роль: он может, образно говоря, поставить диагноз больному обществу, но вылечить его он не в состоянии, как не может и служить «руководством к действию», основанием конструктивной программы действий.

Список цитированных источников

1. Фрейд, З. Недовольство культурой / З. Фрейд // Психоанализ. Религия. Культура. – М., 1991.
2. Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого «Я» / З. Фрейд. – М., 1925.
3. Фрейд, З. Человек Моисей и монотеистическая религия / З. Фрейд. – М., 1993.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Потолков Ю.В., к.ф.н., доцент, БрГТУ

Заявленную тему можно освещать по-разному. Например, перечислить те многочисленные и несомненно важные мероприятия, которые проводятся в БрГТУ в направлении литературного образования. Но оставаться в границах производственного отчёта в данном случае вряд ли конструктивно. На наш взгляд, полезнее подойти к предмету разговора как к сложной психологической и мировоззренческой проблеме. Именно в таком направлении мы попробуем повести своё выступление.

Любой технический вуз – это место широкой начитанности. Поэтому литературное образование здесь не должно решать задач чисто количественных, то есть расширять границы историко-литературной осведомлённости читателей. Технический вуз – творческий вуз. Следовательно, обращение к литературе в его стенах должен носить характер качественный, обращённый к концептуальным подходам к чтению художественной литературы как таковой. Именно этим подходам мы и хотим посвятить своё выступление.